

Меня он просил об увольнении от должности корпусного командира по двум причинам: Скалон моложе его, а уже получил Варшавский округ, и с Каульбарсом он служить не может, так как их отношения испортились из-за того, что он непосредственно доносил государю; не высказывая, что он претендует получить округ, он просил меня взять его в свое распоряжение. В этом я ему, конечно, отказал. Увидав его лично, я убедился, что он, конечно, округа получить не должен. Я ему предложил переменить корпус, но он отказался; я его убеждал жить с Каульбарсом в мире и обещал написать последнему частное письмо о том же, но все было напрасно, он настаивал на своем. Это и его самомнение меня начали бесить; я самым спокойным и любезным тоном сказал ему, что я все же советую ему вернуться в Крым и не бояться историй; я добавил, что я на службе вообще историй не допускаю, а если бы таковая случилась, то он может быть вполне спокоен: она будет разобрана самым тщательным образом, и виновный должен будет оставить службу! Он на меня глядел с удивлением: как это я решаюсь говорить ему, герою, такие вещи? А я самым спокойным образом глядел ему в глаза: вот, видишь, говорю, а ты это должен выслушивать! Вслед затем он ушел.

Я не знаю, какие у Меллера были связи, но я через 10 дней получил указание: Каульбарса уволить от службы, а Меллера назначить помощником командующего войсками; ни то, ни другое исполнено не было. Был ли Меллер близок к в. кн. Николаю Николаевичу, я не знаю, но скорее сомневаюсь в этом.

Находясь в отпуску в Петербурге, Меллер получил особое поручение: организовать боевой поезд и с ним двинуться на Сибирскую железную дорогу, чтобы восстановить движение по ней.

Решение послать такой поезд было, вернее всего, подсказано действиями семеновцев в Москве, доказавшими, что даже малые силы могут, при энергии и решимости, справиться с бунтом и забастовкою на железных дорогах. Последние состояли в ведении Палицына; он же разработал и проект отправки боевого поезда под начальством Меллера.

Для лучшего обеспечения успеха намечалось из армии двинуть навстречу отряд под начальством Ренненкампа¹⁾. Приказания об этом были посланы Лиевичу в середине декабря тремя путями: через командующего войсками в Омске Сухотина, которому было поручено отослать его дальше с верным человеком; кругом света, из Эйдкунена,

¹⁾ Ренненкампа, П. К., ком. VII Сиб. арм. корп., начальник карательной экспедиции на Сибирской, Забайкальской и Вост.-Китайской ж. д.

для доставки по японскому телеграфу и через Пекин (или Тяньцзинь) для доставки с нарочным ¹⁾.

Меллер взял в свой поезд роту л.-гв. Литовского полка (усиленного состава) и, кажется, 2 полевых орудия. Он с полным успехом укрощал встречаемые эшелоны запасных, действуя прикладами и нагайками, и теми же аргументами прекращал железнодорожную забастовку. Молва об его подвигах ему предшествовала, и он почти без сопротивления доехал до Иркутска, а затем и до Читы. Остается лишь удивляться, что все сошло так благополучно и что ему нигде не устроили крушения.

Заслуга Меллера-Закомельского была громадна: он восстановил связь с армиями, восстановил порядок на протяжении нескольких тысяч верст железнодорожного пути! Задача, казавшаяся столь трудной и опасной, была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами. Главная заслуга в этом деле принадлежала лично ему, так как только при его характере палача можно было столь систематически бить и и сечь вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все бунтующие и бастующие элементы. Выбор его для этого предприятия оказался замечательно удачным.

Ренненкампф двинулся в путь позднее: распоряжение о снаряжении его экспедиции не скоро дошло по назначению, да и сборы были, кажется, долгие. Он лишь успел занять Читу, как туда прибыл Меллер со своим поездом.

О действиях обоих отрядов донесения поступали к Палицыну, и я имел мало сведений о них; но государь мне впоследствии говорил, что если бы Ренненкампф действовал так же энергично, как Меллер, и навел бы такую же панику, то Забайкальская и Амурская области не оставались бы так долго в брожении.

О таком взгляде государя мне сообщал и Палицын следующим письмом без даты:

Глубокоуважаемый
Александр Феодорович!

Секретно.

На телеграмме генерала Ренненкампфа от 24 сего января, в которой он сообщает об обезоружении Читы и о том, что г.-л. бар. Меллер-Закомельский, прибыв на разъезд № 58, разобрал небольшой участок пути и перерезал провода железнодорожного и государственного телеграфа, восстановленные затем по приказанию ген. Ренненкампфа, а также о расстреле без суда не сопротивляющихся и наказаниях плетью, что ген. Ренненкампф находит излишним, опасаясь, что это сыграет дурную услугу правительству, его императорским величеством благоугодно было начертать: «Ренненкампф излишне рассуждает, Меллер больше действует».

¹⁾ Дошло, кажется, приказание, посланное через Омск. — П р и м. в п о д л и н н и к е.

О таковой высочайшей резолюции поставляю вас в известность.

Сверх сего Ренненкампф меня запрашивал, как полагают здесь: лучше без суда или так, как он.

Я от себя ему ответил, что он, как правительственное лицо, обязан применять без послабления ¹⁾, но борьба создает положение, когда приходится прибегать к силе оружия и вне закона²⁾. Отсюда издали судить трудно, кто как действует. Ему же указано, что лучшую оценкою его мер будет успех и что прежде всего надо восстановить движение и обеспечить телеграф. Копию его запроса и мой ответ я представляю его величеству.

Относительно Меллера я могу сказать одно — с Сухотиным он не сталкивался, а когда тот попросил его к нему еще заехать, Меллер уехал. С Ренненкампом он тоже не видался.

Вообще на соглашения он труден. Теперь его миссия, по моему, влиять на... ²⁾.

Если он начнет вмешиваться в службу дороги, то выйдет кутерьма. Он уже произвел несколько железнодорожных экспромптов, от которых у железнодорожников волосы дыбом стали (в Самаре). Быстро проехав по Сибирской дороге, он напичкан местными разговорами, которые и передает по телеграфу. Я очень беспокоюсь за влияние там молод. Заботкина. Он шустрый офицер, но в таком серьезном деле он может по легковёрности наделать промахи. Приемы же Заботкин мог заимствовать от своего покойного друга Церпицкого.

Сердечно жму вашу руку.

Ваш П а л и ц ы н.

Сибирская дорога понемногу налаживается.

С пути Меллер доносил государю о своем движении, а равно и все собранные им сведения. При полном и давнишнем отсутствии сведений с Востока, таковые были крайне ценны и, поневоле, принимались на веру, да и как могла прийти на ум мысль, что Меллер представлял государю не проверенные сведения, а слухи и сплетни? В одной телеграмме он чернил Линевича и нескольких генералов обвинял чуть-что не в измене; когда же дело Линевича рассматривалось в частном присутствии Военного совета, и Меллера вызвали туда для подтверждения сообщенных им сведений, то он цинично заявил, что ничего показать не может: все, о чем он доносил, он слышал, но от кого — не помнит.

По возвращении из экспедиции Меллер был в отпуску, а затем мне все-таки пришлось взять его в свое распоряжение, и я от него избавился только с назначением его рижским генерал-губернатором. Во время его отпуска я получил от Каульбарса любопытный документ, касавшийся Меллера. В штабе VII корпуса оказалась нехватка сумм, а виновный в том старший адъютант в свое оправдание заявил, что он не мог должным образом заниматься делами потому, что командир корпуса отвлекал его от службы личными поручениями, особенно

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ Не разобрано три слова.

по иску к его (Меллера) дочери, опекуном которой состоял этот старший адъютант. Оказалось, что дочь получила от матери по завещанию родовое имение, которое Меллер у нее оттягал, предъявив суду векселя, выданные ему покойной женой; суд присудил ему капитальную сумму, проценты и стоимость ведения дела. Интересы дочери на суде защищал ее опекун, назначенный Меллером из своих подчиненных.

Я доложил дело высшей аттестационной комиссии, которая, признавая его грязным, поручила мне потребовать от Меллера объяснения. По его возвращении из отпуска я его запросил, и он мне дал такое объяснение: у него одна дочь, которую он очень любит, и три беспутных сына. Жена, с его согласия, завещала все свое имущество дочери, так как сыновья все равно прокутили бы все, что могли бы получить. Для того же, чтобы избавить дочь от сутяжничества ее братьев, мать дала векселя своему мужу, по которым он мог отобрать имение у дочери, причем сыновья не могли иметь претензий ни к ней, ни к отцу; наконец, эта комбинация давала право продать имение, полученное с условием, чтобы его не продавали раньше такого-то года. По объяснению Меллера выходило так, что он вовсе не ограбил своей дочери, а наоборот, в обход закона, обеспечил ей спокойное обладание наследством. Объяснение это я тоже доложил высшей аттестационной комиссии, которая решила: поверить объяснению и дело прекратить ¹⁾.

Экспедиции Меллера и Ренненкампа восстановили наши сношения с манчжурскими армиями. До тех пор, мы в течение долгого срока, не получали оттуда вестей или же только случайно, с кем-либо из офицеров, приезжавших из армии. Насколько помню, я лишь 2 раза получал таким образом вести с Востока: из Читы подпоручик Харитонов привез пакет на высочайшее имя, да какой-то прапорщик доставил мне письмо от Линевича.

По просьбе Поливанова ²⁾, я лично принял подпоручика Харитонова, чтобы выслушать его доклад относительно его поездки в Петербург, в течение которой ему приходилось переносить всякие опасности

¹⁾ Чтобы не возвращаться к личности барона Меллера-Закомельского, скажу, что он в 1906 году, по выбору Столыпина, был назначен рижским генерал-губернатором; когда Столыпин в нем разочаровался, он просил меня взять его в Военный совет, но я в этом отказал самым категорическим образом, и тогда его в 1909 году посадили в Государственный совет, где он был безгласным сидельцем. Но затем всплыла какая-то грязная его история, и председатель Акимов имел с ним крупный разговор, после которого Меллер перестал бывать в заседаниях Совета, с нового года он был зачислен в неприсутствующие члены Совета. Очевидно, Акимов, с разрешения государя, запретил ему бывать в Совете. Прим. в подлиннике.

²⁾ Поливанов, А. А., ген.-лейт., начальник главного штаба.